

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
17 December 2018
Russian
Original: English

Совет по правам человека**Рабочая группа по произвольным задержаниям****Мнения, принятые Рабочей группой по произвольным задержаниям на ее восемьдесят второй сессии, состоявшейся 20–24 августа 2018 года****Мнение № 47/2018 относительно Хишама Ахмеда Авада Джаафара (Египет)**

1. Рабочая группа по произвольным задержаниям была учреждена в соответствии с резолюцией 1991/42 Комиссии по правам человека. Комиссия продлила и уточнила мандат Рабочей группы в своей резолюции 1997/50. Во исполнение резолюции 60/251 Генеральной Ассамблеи и решения 1/102 Совета по правам человека Совет взял на себя ответственность за осуществление мандата Комиссии. В последний раз Совет продлил на трехлетний срок мандат Рабочей группы в своей резолюции 33/30.
2. В соответствии со своими методами работы (A/HRC/36/38) Рабочая группа 4 мая 2018 года препроводила правительству Египта сообщение относительно Хишама Ахмеда Авада Джаафара. Правительство на сообщение не ответило. Государство является участником Международного пакта о гражданских и политических правах.
3. Рабочая группа считает лишение свободы произвольным в следующих случаях:
 - а) когда сослаться на какие бы то ни было правовые основания для лишения свободы явно невозможно (например, когда лицо продолжает содержаться под стражей сверх назначенного ему по приговору срока наказания или вопреки распространяющемуся на него закону об амнистии) (категория I);
 - б) когда лишение свободы является следствием осуществления прав или свобод, гарантированных статьями 7, 13, 14, 18, 19, 20 и 21 Всеобщей декларации прав человека и – в отношении государств-участников – статьями 12, 18, 19, 21, 22, 25, 26 и 27 Международного пакта о гражданских и политических правах (категория II);
 - в) когда полное или частичное несоблюдение международных норм относительно права на справедливое судебное разбирательство, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и применимых международно-правовых документах, принятых соответствующими государствами, является настолько серьезным, что это придает лишению свободы произвольный характер (категория III);
 - г) когда просители убежища, иммигранты или беженцы подвергаются длительному административному лишению свободы без возможности пересмотра или обжалования этого решения в административном или судебном порядке (категория IV);
 - д) когда лишение свободы является нарушением международного права в силу дискриминации по признаку рождения, национального, этнического или социального происхождения, языка, религии, экономического положения,

GE.18-22040 (R) 180319 190319

* 1 8 2 2 0 4 0 *

Просьба отправить на вторичную переработку

политических или иных убеждений, пола, сексуальной ориентации, инвалидности или иного статуса, которая приводит или может привести к игнорированию принципа равенства людей (категория V).

Представленные материалы

Сообщение источника

4. Г-н Джаафар является 53-летним журналистом, исследователем, руководителем Фонда по развитию средств массовой информации «Мада» и главным редактором веб-сайта IslamOnline. Его фонд выступал в качестве центра исследовательских проектов по социальным вопросам, таких как права женщин, межрелигиозный диалог и дерадикализация. Он женат и имеет троих детей.

Арест и содержание под стражей

5. Согласно полученной информации, 21 октября 2015 года несколько сотрудников службы государственной безопасности совместно с сотрудниками следственного управления города 6 Октября провели обыск в здании, где располагались служебные помещения Фонда по развитию средств массовой информации «Мада». Должностные лица в штатском не предъявили ордера на арест или обыск и не пускали никого в здание после начала проведения обыска.

6. Как утверждается, сотрудники службы государственной безопасности провели обыск всех служебных помещений здания и конфисковали все материалы и удостоверения личности персонала, а другие сотрудники правоохранительных органов осуществили проверку компьютеров, принадлежащих Фонду «Мада». По окончании обыска сотрудники службы государственной безопасности провели допрос сотрудников фонда. По сообщениям, с того момента здание полностью закрыто и опечатано.

7. Источник сообщает, что после обыска и допроса г-н Джаафар был арестован без предъявления ордера и никаких оснований для его ареста представлено не было. Как утверждается, его увезли в неизвестном направлении.

8. По сообщениям, 21 октября 2015 года государственный прокурор совместно с сотрудниками полиции посетили дом г-на Джаафара. Несмотря на то, что его родственники находились в доме и были готовы открыть дверь, сотрудники полиции, как утверждается, ворвались через входную дверь и тщательно обыскали дом, при этом они ломали вещи и вели себя агрессивно по отношению к членам семьи г-на Джаафара. Источник заявляет, что они, не представив каких-либо оснований, конфисковали все компьютеры, флэш-накопители, планшеты, видеокамеры, деньги, ключи от автомобиля, водительские права и другие административные документы. Несмотря на направленные в судебные органы ходатайства, эти предметы до сих пор не возвращены.

9. Согласно сообщениям, после обыска семья г-на Джаафара направила жалобы, в которых содержались вопросы о судьбе г-на Джаафара и его местонахождении, Президенту Республики, Министерству внутренних дел, Генеральному прокурору Египта и аппарату премьер-министра. Они также запросили информацию у сотрудников полицейского участка города 6 Октября; сотрудники полиции приняли заявление об исчезновении г-на Джаафара, но отказались дать какие-либо ответы.

10. Согласно источнику, впоследствии выяснилось, что после обыска г-на Джаафара увезли с завязанными глазами и в наручниках на территорию пятого комплекса служб государственной безопасности в городе Шейх-Заед-Сити, где его тайно содержали под стражей до 25 октября 2015 года. Утверждается, что в тот период он подвергался жестоким допросам о его деятельности в качестве журналиста и руководителя Фонда «Мада» без предоставления ему услуг адвоката.

Обвинения и досудебное содержание под стражей

11. Источник сообщает, что г-на Джаафара уведомили о предъявленных ему обвинениях 25 октября 2015 года после его перевода в тюрьму особого режима в городе Тора, также известную как «Аль-Акраб» («Скорпион»), хотя в документах Верховной прокуратуры по делам государственной безопасности указано, что обвинения были предъявлены 22 октября 2015 года. Тогда же г-н Джаафар впервые смог немного пообщаться со своими адвокатами. В соответствии с Законом № 94 от 2015 года о борьбе с терроризмом г-ну Джаафару были предъявлены обвинения во «вступлении в группу, организованную в нарушение положений закона и созданную с целью подрыва положений Конституции и законов» и в том, что «терроризм являлся одним из средств достижения ее целей».

12. Источник отмечает, что в ходе допроса и слушаний в Верховной прокуратуре по делам государственной безопасности г-н Джаафар отрицал свою причастность к любой террористической организации и осуждал политический характер обвинений. Он заявил, что подвергается преследованиям за его работу в качестве журналиста.

Содержание без связи с внешним миром и длительное досудебное содержание под стражей

13. Согласно сообщениям, после явки г-на Джаафара в Верховную прокуратуру по делам государственной безопасности 25 октября 2015 года его адвокаты не могли оказать ему услуги в ходе последующих слушаний, поскольку их либо не информировали об их проведении, либо давали неверную информацию о дате и предмете слушаний.

14. Например, источник сообщает, что 30 ноября 2015 года адвокаты г-на Джаафара прибыли в штаб-квартиру Верховной прокуратуры по делам государственной безопасности и ожидали, пока его доставят из тюрьмы. Однако сотрудники прокуратуры сказали им, что слушание состоится вблизи тюрьмы Тора, расположенной в десятках километров от штаб-квартиры. Адвокаты прибыли в тюрьму Тора, но им сказали, что слушание все же состоится в штаб-квартире Верховной прокуратуры по делам государственной безопасности. Ко времени их возвращения в прокуратуру слушание уже началось, срок досудебного содержания г-на Джаафара под стражей был продлен, а его самого доставили обратно в тюрьму Тора.

15. Как сообщается, г-на Джаафара содержали под стражей таким образом без проведения судебного разбирательства более двух лет, а срок содержания постоянно продлевался каждые 45 дней без предоставления ему каких-либо эффективных средств оспаривания законности лишения его свободы.

16. 8 февраля 2016 года мандатарии ряда специальных процедур Совета по правам человека направили в адрес правительства призыв к незамедлительным действиям (A/HRC/32/53, р. 60), в котором выражалась серьезная обеспокоенность относительно утверждений о нарушении основных прав г-на Джаафара. Правительство на него не ответило.

17. Источник сообщает, что в октябре 2017 адвокаты г-на Джаафара подали меморандум, в котором говорилось о том, что период его досудебного содержания под стражей превышает максимальный двухлетний срок, предусмотренный в статье 143 Уголовно-процессуального кодекса. По сообщениям, судебные органы проигнорировали это ходатайство и не указали дату судебного разбирательства по его делу.

18. Согласно источнику, с самого начала его содержания под стражей родственникам г-на Джаафара было отказано в праве на его посещение в тюрьме Тора. Через несколько недель тюремные власти дали разрешение на крайне непродолжительные встречи; однако на практике в посещениях необоснованно и регулярно отказывали. Источник утверждает, что г-н Джаафар содержался под стражей без связи с внешним миром с марта по август 2017 года. После этого семье было разрешено навестить его только три раза: один раз в августе, один раз в сентябре

и один раз в ноябре 2017 года, а длительность каждой встречи составляла приблизительно семь минут. После непродолжительного посещения в декабре 2017 года все просьбы о встрече с ним со стороны его семьи или адвокатов были отклонены.

19. Согласно полученной информации, г-н Джаафар прибыл в Верховную прокуратуру по делам государственной безопасности вместе с адвокатами 14 апреля 2018 года. Прокурор вновь принял решение о продлении срока предварительного заключения в соответствии со статьей 143 Уголовно-процессуального кодекса. Адвокаты г-на Джаафара оспорили это решение и вновь заявили, что в соответствии со статьей 143 максимальный срок предварительного заключения составляет два года, а их подзащитный содержался под стражей до суда два года и шесть месяцев.

Включение в список «террористических» групп

20. Источник сообщает, что 12 января 2017 года в выпуске «Официального вестника» было опубликовано решение Каирского уголовного суда, в котором был представлен «список террористов», состоящий из 1 538 человек. В этом списке числилось имя г-на Джаафара, а также имена других журналистов и активистов, обвиняемых в «принадлежности» к организации «Братья-мусульмане» или ее «поддержке» или же в оказании «помощи» какой-либо политической партии.

21. Список был составлен на основе Закона № 8 от 2015 года о списках террористических организаций и террористов, изданного указом Президента в феврале 2015 года, который, как сообщается, не предусматривает какого-либо реального права на информацию о том или ином лице или на обжалование решения о включении его в список.

22. Утверждается, что г-н Джаафар не был лично уведомлен о включении его имени в список, не был проинформирован о процессе включения, не имел возможности оспорить причины, по которым было принято решение о включении его в список, или представить какие-либо оправдательные доказательства в суд по уголовным делам. Следствием включения в список являются запрет на поездки, изъятие и аннулирование паспортов, запрет на участие в общественно-политической жизни и замораживание активов соответствующего лица.

Условия содержания под стражей и отказ в медицинской помощи

23. Г-н Джаафар содержится в тюрьме Тора в условиях, которые источник называет особенно бесчеловечными. Кроме того, он, как утверждается, подвергается длительному одиночному заключению. Также утверждается, что его регулярно лишают пищи и питьевой воды, он спит на полу без матраса или постельного белья, в его одиночной камере нет света и кишат насекомые.

24. Кроме того, источник утверждает, что г-ну Джаафару, страдающему аденомой предстательной железы и атрофией зрительного нерва, было отказано в надлежащей медицинской помощи. По сообщениям, его зрение ухудшается, а состояние его здоровья после задержания в значительной степени регрессировало.

25. Согласно источнику, г-н Джаафар получает минимальную медико-санитарную помощь, а его многочисленные просьбы о переводе в соответствующее учреждение систематически отклоняются. Все неоднократные просьбы его адвокатов о его освобождении по медицинским показаниям были отклонены.

26. В феврале 2016 года г-н Джаафар был переведен в больницу тюрьмы Тора, после того как он начал страдать от задержки мочеиспускания и у него были обнаружены признаки почечной недостаточности. 4 марта 2016 года он был переведен в университетскую больницу «Аль-Маниал» при Каирском университете. Впоследствии, 10 марта 2016 года, врачи потребовали его госпитализации для проведения дополнительных анализов. Несмотря на то, что он находился в больнице «Аль-Маниал» в течение пяти месяцев, ему, как утверждается, оказывали минимальную и недостаточную медицинскую помощь. По сообщениям, органы государственной безопасности запретили врачам проводить анализы, необходимые

для оценки ухудшения состояния почек г-на Джаафара и определения его потребностей в медицинской помощи. В августе 2016 года он был переведен обратно в тюрьму Тора без проведения необходимых анализов. Вскоре после возвращения в тюрьму г-н Джаафар обнаружил кровь в моче и был вновь переведен в больницу тюрьмы Тора, где ему было отказано в консультации с урологом.

27. Источник сообщает, что, несмотря на ряд жалоб, поданных как семьей г-на Джаафара, так и его адвокатами с просьбой освободить его или перевести в медицинское учреждение для надлежащего лечения, власти постоянно игнорировали эти требования. Родственники г-на Джаафара сообщили, что во время их визита в марте 2017 года он выглядел очень слабым и значительно потерял в весе. Кроме того, на его теле были многочисленные следы от укусов насекомых. По сообщениям, лекарства, отправленные ему его семьей, были изъяты.

Категория I

28. Источник утверждает, что арест и досудебное содержание под стражей г-на Джаафара следует рассматривать как подпадающие под категорию I с момента ареста до его продолжающегося по сей день содержания под стражей до суда.

29. Г-н Джаафар был арестован без предъявления мандата или ордера и без объяснения ему причин ареста. Его тайно содержали под стражей в течение четырех дней (с 21 по 25 октября 2015 года). Кроме того, власти, которым его семья задавала вопросы, отказались признать факт его задержания или представить информацию о его судьбе и местонахождении. Также отмечается, что г-н Джаафар был лишен права на применение процедуры хабеас корпус.

30. Источник также утверждает, что арест г-на Джаафара не был основан на каких-либо правовых положениях, что противоречит статье 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которой лицо может быть законно лишено свободы только на определенных основаниях и в соответствии с процедурами, установленными законом. Источник утверждает, что сотрудники службы государственной безопасности действуют под командованием и контролем Министерства внутренних дел и наделены дискреционными полномочиями на арест, допрос и содержание под стражей лиц в неофициальных местах содержания под стражей без какого-либо судебного надзора.

31. Источник утверждает, что статья 143 Уголовно-процессуального кодекса, которая допускает досудебное содержание под стражей сроком до двух лет, сама по себе нарушает право обвиняемого на судебное разбирательство без неоправданной задержки, закрепленное в пункте 3 с) статьи 14 Пакта. Источник отмечает, что максимальный двухлетний срок, установленный в статье 143 Кодекса, который назначается в случаях, когда предполагаемые деяния подлежат наказанию в виде пожизненного тюремного заключения или смертной казни, систематически применяется даже в тех случаях, которые нельзя отнести к категории наиболее тяжких преступлений.

32. Источник далее утверждает, что единственной причиной ареста г-на Джаафара была его работа в качестве журналиста и общественная деятельность в качестве главы Фонда «Мада», подпадающие под действие его права на свободу выражения мнений и ассоциации. Постоянное продление срока досудебного содержания под стражей г-на Джаафара не соответствует критериям, необходимым для доказательства разумных оснований для его содержания под стражей до суда. Источник утверждает, что согласно пункту 3 статьи 9 Пакта мера досудебного содержания под стражей должна применяться в исключительных случаях, а право на освобождение под залог должно быть, как правило, гарантировано. По мнению источника, разумные основания для досудебного содержания обвиняемого под стражей должны оцениваться в свете всех обстоятельств дела. С учетом того, что арест и задержание г-на Джаафара являются прямым следствием его работы в качестве журналиста и мирной общественной деятельности, данные обстоятельства, как утверждается, не могут служить в качестве разумных оснований, так как никакого преступного деяния совершено не было.

33. Источник утверждает, что факт длительного содержания под стражей до суда свыше максимального двухлетнего срока за наиболее тяжкие преступления в любом случае лишает меру досудебного содержания г-на Джаафара под стражей правовой основы. Он подчеркивает, что судебные органы проигнорировали многочисленные попытки и меморандумы, представленные защитой в целях оспаривания законности досудебного содержания под стражей и продления его срока как до, так и после истечения двухлетнего периода.

Категория II

34. Согласно источнику, существует четкая и прямая причинно-следственная связь между деятельностью г-на Джаафара в качестве журналиста, которая подпадает под статьи 19 и 21 Пакта, и его арестом и предъявлением обвинений, что придает лишению его свободы произвольный характер по категории II.

35. Источник напоминает, что после ареста в офисе г-на Джаафара в Фонде «Мада» был проведен обыск, изъятие нескольких материалов и проверка компьютеров. Кроме того, в тот же день сотрудники Верховной прокуратуры по делам государственной безопасности и сотрудники полиции провели обыск в доме г-на Джаафара и конфисковали все компьютеры, флэш-накопители, планшеты, видеокамеры, деньги, ключи от автомобиля, водительские права и другие административные документы.

36. Кроме того, обвинения в адрес г-на Джаафара, как утверждается, являются мстью за его работу в качестве журналиста и активиста. В частности, он обеспечивал подготовку местных журналистов, оказывал им поддержку и занимался освещением нарушений, совершенных в отношении политических противников. Его фонд служил центром исследовательских проектов по различным социальным вопросам. Будучи специалистом по урегулированию конфликтов, он также указывал на опасность поляризации национальной политической жизни. В своих статьях он призывал к началу политического диалога между национальными заинтересованными сторонами, включая вооруженные силы и оппозицию, а также к уважению гражданских и демократических свобод.

37. Сообщалось, что сотрудники службы государственной безопасности в основном выступали против того, что г-н Джаафар писал о социальных, политических и правовых вопросах и осуждал репрессии в отношении противников правительства. Согласно сообщениям о проведенных допросах и слушаниях, его критическая позиция по отношению к властям была сочтена доказательством его поддержки террористических организаций, что может давать основания для преследования по широкому и расплывчатому определению преступлений, содержащемуся в статье 1 Закона № 8 от 2015 года о списках террористических организаций и террористов.

38. Наконец, источник утверждает, что дело г-на Джаафара является частью более широкой практики произвольных арестов и задержаний журналистов, правозащитников и других мирных активистов, особенно по обвинению в терроризме.

Категория III

39. Источник далее утверждает, что процедура содержания г-на Джаафара под стражей нарушает основные международные нормы справедливого судебного разбирательства и поэтому должна рассматриваться как произвольная в рамках категории III.

40. Источник заявляет, что г-ну Джаафару не был предъявлен ордер на арест, ему не сообщили причины ареста и он стал жертвой насильственного исчезновения в нарушение пунктов 1 и 2 статьи 9 Пакта.

41. Как утверждается, г-на Джаафара проинформировали о предъявленных ему обвинениях через его адвокатов 25 октября 2015 года, когда ему дали разрешение на общение с ними. Т.е. ему было отказано в праве быть незамедлительно информированным о причинах ареста и предъявляемых ему обвинениях, что является нарушением пунктов 2 и 3 статьи 9 и пункта 3 статьи 14 Пакта.

42. Кроме того, с 25 октября 2015 года его каждые 45 дней доставляли в Верховную прокуратуру по делам государственной безопасности для продления срока досудебного содержания под стражей, как утверждает, без присутствия адвокатов, поскольку они либо не были проинформированы, либо были дезинформированы о дне и месте проведения слушаний, касающихся их подзащитного. Кроме того, в ходе расследования г-на Джаафара допрашивали без предоставления помощи его адвокатов, и ему было также отказано в визитах в тюрьму его правозащитной группы. Источник указывает на то, что это является нарушением пункта 3 b) и d) статьи 14 Пакта.

43. По сообщениям, аналогичным образом в прямом доступе к материалам дела либо в доступе к ним через адвокатов его семье было отказано. В результате адвокаты г-на Джаафара не могут выстроить свою защиту в случае проведения судебного разбирательства, что является нарушением пункта 3 b) статьи 14 Пакта.

44. Кроме того, г-н Джаафар, как сообщается, содержался без связи с внешним миром в течение четырех дней, ему не позволяли прибегнуть к защите закона, ему продолжительное время отказывали в контактах с родственниками, и он подвергался длительному одиночному заключению. Что касается права на доступ к врачу, то во всех просьбах о посещении специалиста, способного надлежащим образом обследовать его, было отказано.

45. Источник подчеркивает, что г-ну Джаафару было отказано в праве оспорить в независимой инстанции законность своего задержания, что является нарушением пункта 1 статьи 14 Пакта. Обвинение не позволило адвокатам г-на Джаафара эффективным образом обжаловать его досудебное содержание под стражей. Источник особо отмечает, что преследование г-на Джаафара осуществляется со стороны Верховной прокуратуры по делам государственной безопасности, действующей под контролем Министерства внутренних дел, и поэтому она не может рассматриваться в качестве независимого и беспристрастного органа.

46. Согласно сообщениям, г-н Джаафар содержится под стражей до суда более двух лет и шести месяцев, а дата судебного разбирательства по его делу остается неизвестной. Источник утверждает, что это промедление нарушает право на рассмотрение дела в разумные сроки и без неоправданных задержек, закрепленное в пункте 3 статьи 9 и пункте 3 c) статьи 14 Пакта.

47. Источник заявляет, что правительство отказалось предоставить г-ну Джаафару надлежащую и необходимую медицинскую помощь и лечение, нарушив тем самым его право на здоровье в соответствии со статьей 25 Всеобщей декларации прав человека. Кроме того, непредоставление надлежащего медицинского обслуживания нарушает обязательство государства уважать право на жизнь всех заключенных, закрепленное в статье 6 Пакта. Отказ в медицинской помощи систематически осуждается семьями лиц, задержанных по политическим обвинениям.

48. Кроме того, источник приходит к выводу о том, что предполагаемые плохие условия содержания г-на Джаафара, включая его длительное одиночное заключение, а также отказ в предоставлении надлежащей медицинской помощи, равнозначны одной из форм пыток и жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, предусмотренных статьями 1, 4 и 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Ответ правительства

49. 4 мая 2018 года Рабочая группа в рамках своей обычной процедуры представления сообщений препроводила правительству представленные источником утверждения. Рабочая группа просила правительство представить к 15 июня 2018 года подробную информацию о положении г-на Джаафара, а также любые замечания в отношении утверждений источника. Кроме того, Рабочая группа призвала правительство обеспечить физическую и психическую неприкосновенность г-на Джаафара.

50. Рабочая группа выражает сожаление в связи с тем, что она не получила ответа правительства на ее сообщение и что правительство не просило продлить срок, установленный для представления его ответа, как это предусмотрено методами работы Рабочей группы.

Обсуждение

51. В отсутствие ответа со стороны правительства Рабочая группа решила вынести настоящее мнение в соответствии с пунктом 15 своих методов работы.

52. В своей правовой практике Рабочая группа выработала подход к разрешению вопросов, имеющих доказательственное значение. Если источник демонстрирует наличие *prima facie* доказательств нарушения международных требований, представляющего собой произвольное задержание, то бремя доказывания обратного, если правительство желает опровергнуть данные утверждения, возлагается на правительство (см. A/HRC/19/57, пункт 68). В данном случае правительство приняло решение не оспаривать достоверность *prima facie* утверждений источника.

53. Рабочая группа хотела бы вновь подчеркнуть, что правительство обязано уважать, защищать и осуществлять право человека на личную свободу и что любой национальный закон, допускающий лишение свободы, должен составляться и осуществляться с соблюдением соответствующих международных стандартов, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека и других соответствующих международных и региональных договорах¹. Таким образом, даже если содержание под стражей не противоречит национальному законодательству, правилам и практике, Рабочей группе предоставлено такое право, и она должна оценивать процедуры судопроизводства и сами законы с целью определения, согласуется ли такое содержание под стражей с соответствующими правилами и нормами международного права в области прав человека².

54. Рабочая группа также хотела бы вновь заявить о том, что она применяет более высокие стандарты пересмотра в тех случаях, когда право на свободу передвижения и проживания, право на убежище, право на свободу мысли, совести и религии, свободу мнений и их свободное выражение, свободу мирных собраний и ассоциаций, участия в политической и общественной жизни, равенства и недискриминации и защиту прав лиц, принадлежащих к этническим, религиозным или языковым меньшинствам, ограничено или когда это касается правозащитников³. Роль г-на Джаафара в качестве видного правозащитника требует от Рабочей группы проведения такого рода тщательного и строгого изучения дела⁴.

¹ См. резолюцию 72/180 Генеральной Ассамблеи, пятый пункт преамбулы; резолюции Комиссии по правам человека 1991/42, пункт 2, и 1997/50, пункт 15; и резолюции Совета по правам человека 6/4, пункт 1 а), и 10/9, пункт 4 б); мнения № 38/2018, пункт 60; 94/2017, пункт 59; 88/2017, пункт 32; 83/2017, пункты 51 и 70; 76/2017, пункт 62; 28/2015, пункт 41; и 41/2014, пункт 24.

² См. мнения № 38/2018, пункт 60; 94/2017, пункты 47 и 48; 33/2015, пункт 80; 1/2003, пункт 17; 5/1999, пункт 15; и 1/1998, пункт 13.

³ См. мнения № 13/2018, пункт 22; 3/2018, пункт 40; 94/2017, пункт 49; 57/2017, пункт 46; 41/2017, пункт 95; 67/2012, пункты 56 и 57; 65/2012, пункты 39 и 40; 64/2011, пункт 20; 62/2012, пункт 39; 54/2012, пункт 29; и 21/2011, пункт 29. Местные власти и международные надзорные органы должны применять более строгие требования к рассмотрению действий правительства, особенно тогда, когда имеются утверждения о систематическом преследовании (мнение № 39/2012, пункт 45). См. также Декларацию о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, пункт 3 статьи 9.

⁴ Правозащитники имеют, в частности, право изучать, обсуждать, составлять и иметь мнения относительно соблюдения всех прав человека и основных свобод как в законодательстве, так и на практике, и привлекать внимание общественности к этим вопросам, используя эти и другие соответствующие средства (см. Декларацию о правозащитниках, пункт с) статьи 6). См. также мнение № 8/2009, пункт 18.

Категория I

55. Рабочая группа в первую очередь определит, можно ли сослаться на какие бы то ни было правовые основания для содержания под стражей г-на Джаафара в период с 21 октября 2015 года, отсутствие каковых будет означать, что это заключение носит произвольный характер по категории I.

56. Согласно информации, представленной источником, которую правительство не опровергло и не рассмотрело, г-н Джафар был арестован без предъявления ордера на арест. В принципе, за исключением случаев ареста при совершении преступления, можно предположить, что арест без предъявления действительного ордера может представлять собой нарушение статей 3 и 9 Всеобщей декларации прав человека и пункта 1 статьи 9 Пакта в силу отсутствия правовой основы.

57. У правовой основы для ареста и содержания под стражей г-на Джаафара есть серьезные недостатки. Чтобы установить такую правовую основу, власти должны были проинформировать г-на Джаафара о причинах его ареста и предъявляемых ему обвинениях в момент задержания; не сделав этого, наряду с отсутствием ордера, они нарушили статью 9 Всеобщей декларации прав человека и пункт 2 статьи 9 Пакта. Как указывается в Основных принципах и Руководящих положениях Организации Объединенных Наций в отношении средств правовой защиты и процедур, связанных с правом лишенных свободы лиц обращаться в суд, лишение свободы считается незаконным, когда оно осуществляется на иных основаниях и в соответствии с иными процедурами, чем те, которые установлены законом⁵.

58. Рабочая группа также отмечает, что г-н Джаафар не был незамедлительно доставлен к судье и не мог воспользоваться правом на разбирательство дела в суде, с тем чтобы он мог безотлагательно принять решение о законности его содержания под стражей в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 9 Пакта. Это также лишило его эффективного средства судебной защиты от нарушения его прав и свобод, как это предусмотрено в статьях 8 и 10 Всеобщей декларации прав человека и пункте 3 статьи 2 и пункте 1 статьи 14 Пакта⁶.

59. По мнению Рабочей группы, статья 143 Уголовно-процессуального кодекса, которая допускает максимальный срок досудебного содержания под стражей до двух лет за преступления, подлежащие наказанию в виде пожизненного заключения или смертной казни, не может служить в данном случае в качестве правовой основы для продления срока досудебного содержания под стражей. В соответствии с основополагающими гарантиями личной свободы предварительное заключение является исключением, а не правилом, и задержанный имеет право на периодический пересмотр своего содержания под стражей в судебном порядке. Рабочая группа отмечает, что оценка продолжительности любого данного периода досудебного содержания под стражей должна производиться на индивидуальной основе с особым учетом конкретных обстоятельств каждого случая. В данном случае правительство приняло решение не оспаривать утверждения источника. Несмотря на то, что статья 143 предусматривает продление срока досудебного содержания под стражей каждые 45 дней, Рабочая группа считает, что в данном случае автоматическое продление срока содержания под стражей до суда более чем на два года без эффективного судебного надзора не может считаться совместимым с пунктами 3 и 4 статьи 9 Пакта.

60. По мнению Комитета по правам человека, досудебное содержание под стражей должно основываться на принимаемом в каждом конкретном случае решении о том, что оно с учетом всех обстоятельств обосновано и необходимо для таких целей, как предупреждение побега, вмешательства в процесс сбора доказательств или рецидива преступления⁷. Досудебное содержание под стражей должно применяться не на основе приговора, который может быть вынесен за вменяемое в вину преступление, а на

⁵ См. A/HRC/30/37, пункт 12.

⁶ См. также статьи 12 и 23 Арабской хартии прав человека.

⁷ Замечание общего порядка № 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности, пункт 38. См. также мнение № 24/2015, пункт 37.

основе определения необходимости этой меры пресечения; суды должны в каждом конкретном случае рассматривать вопрос о том, позволят ли меры, альтернативные досудебному содержанию под стражей, такие как залог, электронные браслеты или иные условия, устранить необходимость применения содержания под стражей⁸. Рабочая группа считает, что эти стандарты не были соблюдены властями Египта в случае г-на Джаафара.

61. В любом случае Рабочая группа потрясена тем, что досудебное содержание г-на Джаафара под стражей превысило даже спорный максимальный двухлетний срок в соответствии со статьей 143 Уголовно-процессуального кодекса. Этот факт лишает меру досудебного содержания г-на Джаафара под стражей правовой основы.

62. Рабочая группа выражает серьезную обеспокоенность тем, что г-н Джаафар содержался под стражей без связи с внешним миром, не имел доступа к семье и адвокатам и общению с ними, а также тем, что ему было отказано в медицинской помощи и медикаментах. Рабочая группа в своей правовой практике неизменно утверждала, что содержание какого-либо лица под стражей в режиме строгой изоляции нарушает право на оспаривание законности задержания в суде⁹. Статьи 8, 10 и 11 Всеобщей декларации прав человека и статьи 9 и 14 Пакта также подтверждают недопустимость содержания под стражей без связи с внешним миром.

63. Особенно вопиющим является тот факт, что с 21 по 25 октября 2015 года г-н Джаафар на начальных этапах лишения свободы содержался под стражей без связи с внешним миром в течение четырех дней. Рабочая группа считает, что это не имеет под собой правовой основы.

64. В связи с этим Рабочая группа делает вывод о том, что арест и досудебное содержание под стражей г-на Джаафара не имеют под собой правовых оснований и, таким образом, носят произвольный характер, что противоречит статье 9 Пакта и подпадает под категорию I.

Категория II

65. Рабочая группа напоминает, что право на свободу мнений и их свободное выражение и право на свободу мысли и совести являются основными правами человека, закрепленными в статьях 18 и 19 Всеобщей декларации прав человека и в статьях 18 и 19 Пакта¹⁰.

66. Рабочая группа отмечает, что Комитет по правам человека в пункте 34 своего замечания общего порядка № 34 (2011) о свободе мнений и их выражения, заявил, что ограничения свободы выражения мнений не должны быть чрезмерно широкими, и напомнил, что такие ограничения должны соответствовать принципу соразмерности, быть уместными для выполнения своей защитной функции, представлять собой наименее ограничительные средства из числа тех, с помощью которых может быть достигнут желаемый результат, и являться соразмерными защищаемому интересу¹¹. Кроме того, Рабочая группа согласна с Комитетом в том, что в пунктах 38 и 42 того же замечания общего порядка он подчеркивает, что государствам-участникам не следует запрещать критику таких структур, как армия или административный аппарат, и установление мер наказания для средств массовой информации, издателей или журналистов исключительно за критику правительства или общественно-политической системы, которой придерживается правительство, ни при каких обстоятельствах не может рассматриваться в качестве необходимого ограничения права на свободу выражения мнений.

67. Кроме того Рабочая группа отмечает, что Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение вновь указал на то, что право на свободное выражение мнений включает в себя выражение

⁸ Замечание общего порядка № 35, пункт 38. См. также A/HRC/19/57, пункты 48–58.

⁹ См. мнение № 93/2017, пункт 49.

¹⁰ См. также *Кан против Республики Корея* (CCPR/C/78/D/878/1999), пункт 7.2.

¹¹ См. мнение № 3/2018, пункт 49.

оскорбляющих, шокирующих или раздражающих взглядов и мнений¹². Кроме того, в пункте 5 р) i) своей резолюции 12/16 Совет по правам человека заявил, что ограничения на обсуждение проводимой правительством политики и политические дискуссии не согласуются с положениями пункта 3 статьи 19 Пакта.

68. Рабочая группа осведомлена о деятельности, которой г-н Джаафар занимался для осуществления своих основных свобод: это – заявления о злоупотреблениях в отношении политических активистов, призывы к национальному диалогу между политическими силами, включая вооруженные силы и оппозицию, и призывы к уважению гражданских и демократических свобод. Рабочая группа также принимает во внимание роль Фонда «Мада», возглавляемого г-ном Джаафаром, а именно обеспечение подготовки журналистов и оказание им поддержки, а также проведение исследований по различным социальным вопросам, таким как права женщин, межрелигиозный диалог и дерадикализация. В этой связи Рабочая группа отмечает, что одновременно с арестом г-на Джаафара власти также без ордера обыскали Фонд «Мада» и дом г-на Джаафара, изъяв материалы из обоих мест. Кроме того, как заявил источник, сотрудники служб безопасности подвергли критике работы г-на Джаафара по социальным, политическим и правовым вопросам, а также работы, содержащие осуждения репрессий в отношении противников правительства. Более того, согласно сообщениям, полученным в ходе слушаний, его критическая позиция по отношению к властям была расценена как доказательство его поддержки террористических организаций. Его допрос касался его журналистской деятельности. Эта информация, которая не оспаривается правительством, вынуждает Рабочую группу считать, что правительство преследовало г-на Джаафара и его организацию, учитывая проделанную ими работу, за осуществление его права на свободу мысли, выражения мнений и ассоциации.

69. Поэтому Рабочая группа считает, что лишение г-на Джаафара свободы является произвольным и подпадает под категорию II, поскольку было связано с осуществлением им прав и свобод, гарантированных статьями 18, 19 и 20 Всеобщей декларации прав человека, а также статьями 18, 19 и 22 Пакта¹³.

Категория III

70. С учетом своего вывода о том, что лишение свободы г-на Джаафара является произвольным и подпадает под категорию II, Рабочая группа хотела бы подчеркнуть, что в отношении г-на Джаафара вообще не должно проводиться судебного разбирательства. Вместе с тем, поскольку оно уже проводится, Рабочая группа теперь приступает к рассмотрению вопроса о том, являлись ли предполагаемые нарушения права на справедливое судебное разбирательство и соблюдение надлежащей правовой процедуры достаточно серьезными, чтобы лишение свободы можно было квалифицировать как произвольное и отнести к категории III.

71. Как отмечалось выше, г-н Джаафар был арестован без ордера и не был незамедлительно проинформирован ни о причинах своего ареста, ни о каких-либо предъявляемых ему обвинениях, что является нарушением пункта 2 статьи 9 и пункта 3 а) статьи 14 Пакта¹⁴. Ему также было отказано в праве уведомить членов своей семьи и адвокатов и общаться с ними в нарушение принципов 15–19 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, а также в праве в кратчайшие сроки предстать перед судом, который должен безотлагательно принять решение о законности и необходимости задержания, как это предусмотрено в пунктах 3 и 4 статьи 9 Пакта и принципе 37 Свода принципов¹⁵. По мнению Рабочей группы, такие процедурные недостатки в значительной степени препятствуют осуществлению права г-на Джаафара на соблюдение надлежащей правовой процедуры и справедливое судебное разбирательство с самого начала содержания под стражей.

¹² См. A/HRC/17/27, пункт 37.

¹³ См. также пункты 5 и 6 статьи 24 и статью 32 Арабской хартии прав человека.

¹⁴ См. также пункт 3 статьи 14 и пункт 1 статьи 16 Арабской хартии прав человека.

¹⁵ См. также пункты 5 и 6 статьи 14 и пункт 2 статьи 16 Арабской хартии прав человека.

72. Рабочая группа считает, что отказ в доступе к услугам адвоката во время следствия, а также принятые Верховной прокуратурой по делам государственной безопасности решения о неоднократном продлении срока досудебного содержания под стражей на 45 дней представляют собой нарушение прав г-на Джаафара на получение правовой помощи в соответствии пунктами 3 b) и d) статьи 14 Пакта. Отказ в доступе к материалам дела также лишил его адвокатов возможности выстроить свою защиту в случае судебного разбирательства, что является нарушением пункта 3 b) статьи 14 Пакта¹⁶.

73. По мнению Рабочей группы, принятие решения о продлении срока досудебного содержания под стражей Верховной прокуратурой по делам государственной безопасности, которая находится в ведении Министерства внутренних дел (органа судебной власти, который в силу этого зависит от исполнительной и политической власти), не является итогом справедливого и публичного разбирательства дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, как это предусмотрено статьей 10 Всеобщей декларации прав человека и пунктом 1 статьи 14 Пакта¹⁷.

74. Рабочая группа далее определяет, что досудебное содержание г-на Джаафара под стражей, которое началось 21 октября 2015 года и продолжается почти три года, явно нарушает его право быть судимым в разумные сроки без неоправданных задержек или его право на освобождение, как это предусмотрено в пункте 3 статьи 9 и пункте 3 c) статьи 14 Пакта¹⁸.

75. Рабочая группа считает, что периоды содержания под стражей без связи с внешним миром и одиночного заключения несовместимы с обязательством гарантировать возможность эффективной подготовки правовой защиты для судебного разбирательства в соответствии с пунктами 1 и 3 b) статьи 14 Пакта. Кроме того, Рабочая группа также выражает серьезную обеспокоенность в связи с условиями содержания под стражей и отказом в медицинской помощи в нарушение статей 5 и 25 Всеобщей декларации прав человека, статей 7 и 10 Пакта и положений Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания¹⁹.

76. Исходя из вышесказанного, Рабочая группа приходит к выводу, что данные нарушения права г-на Джаафара на справедливое судебное разбирательство являются настолько серьезными, что это придает лишению свободы произвольный характер. Такое лишение свободы является нарушением статей 9, 10 и 11 Всеобщей декларации прав человека и статей 9 и 14 Пакта и поэтому подпадает под категорию III.

Категория V

77. Теперь Рабочая группа рассмотрит вопрос о том, является ли лишение свободы г-на Джаафара незаконной дискриминацией согласно международному праву для целей категории V.

78. Рабочая группа отмечает, что г-н Джаафар в первую очередь является журналистом, исследователем, главой Фонда по развития средств массовой информации «Мада» и главным редактором сайта IslamOnline. Фонд «Мада», в котором одновременно с его арестом был проведен обыск, выступал в качестве центра исследовательских проектов в области социальных вопросов, таких как права женщин, межрелигиозный диалог и дерадикализация. Рабочая группа отмечает, что он имеет право на защиту в качестве правозащитника²⁰.

79. В рамках проводившегося выше обсуждения вопроса о подпадании данного случая под категорию II Рабочая группа установила, что лишение свободы г-на Джаафара связано с осуществлением им прав и свобод, гарантированных статьями 18, 19 и 20 Всеобщей декларации прав человека и статьями 18, 19 и 22 Пакта.

¹⁶ См. также пункты 2, 3 и 4 статьи 16 Арабской хартии прав человека.

¹⁷ См. также статью 13 Арабской хартии прав человека.

¹⁸ См. также пункт 5 статьи 14 Арабской хартии прав человека.

¹⁹ См. также статью 8, пункт 4 статьи 14 и пункт 1 статьи 20 Арабской хартии прав человека.

²⁰ См. Декларацию о правозащитниках, статьи 9 и 12.

Когда установлено, что лишение свободы является результатом активного осуществления гражданских и политических прав, есть основания полагать, что лишение свободы может представлять собой нарушение международного права по признаку дискриминации по политическим мотивам и иной деятельности.

80. Рабочая группа не может не отметить, что политические взгляды и деятельность г-на Джаафара, очевидно, занимают центральное место в рамках настоящего дела и что власти выразили к нему вполне определенное отношение, которое можно охарактеризовать как целенаправленное и дискриминационное. Фактически г-н Джаафар вместе со своим фондом является объектом официального преследования, и это невозможно объяснить ничем иным, как следствием осуществления им права выражать такие мнения и убеждения в качестве правозащитника. Правительство не опровергло ни одно из этих утверждений.

81. По этим причинам Рабочая группа считает, что лишение г-на Джаафара свободы представляет собой нарушение статей 2 и 7 Всеобщей декларации прав человека и пункта 1 статьи 2 и статьи 26 Пакта²¹ в связи с дискриминацией по признаку политических или иных убеждений, а также с его статусом правозащитника. Таким образом, лишение его свободы подпадает под категорию V.

82. Рабочая группа вновь отмечает заявление Международного Суда 1980 года о том, что «неправомерное лишение людей их свободы и применение к ним мер физического принуждения в условиях лишений само по себе явно несовместимо с принципами Устава Организации Объединенных Наций, а также с основополагающими принципами, закрепленными во Всеобщей декларации прав человека»²². Закрепленное в договорном и обычном праве запрещение произвольного задержания было авторитетно признано в качестве императивной нормы (*jus cogens*) международного права Комитетом по правам человека в пункте 11 его замечания общего порядка № 29 (2001) о чрезвычайном положении, а также в пунктах 51 и 75 обсуждений Рабочей группы № 9 (2012) об определении и тематическом охвате концепции произвольного лишения свободы в международном обычном праве (A/HRC/22/44, пункты 37–75)²³.

83. Рабочая группа напоминает, что вытекающие из этого *erga omnes* обязательства обеспечения защиты «имеют обязательную силу для всех государств, образующих организованное международное сообщество» в горизонтальном измерении, а также обязательны «как для органов и обладателей (государственной) общественной власти, так и для самих личностей (в межличностных отношениях)» в вертикальном измерении²⁴. Таким образом, обязанность соблюдать международные нормы в области прав человека, которые являются безусловными и всеобщими нормами, такие как запрет на произвольное задержание, возлагается на все органы и представителей государства, всех должностных лиц, включая судей, прокуроров, полицейских,

²¹ См. также пункт 1 статьи 3 Арабской хартии прав человека.

²² См. *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran, Judgment, ICJ Reports 1980*, стр. 3, пункт 91, цитаты приводятся во мнениях № 30/2018, пункт 40; сноска 9; 94/2017, пункт 52, сноска 9; 76/2017, пункт 56, сноска 19; 63/2017, пункт 51, сноска 14; 37/2014, пункт 32; 22/2014, пункт 18, сноска 1; и 10/2013, пункт 23, сноска 1; См. также *Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2010*, стр. 639, пункты 75–85, и содержащееся там отдельное мнение судьи Кансаду Триндади, стр. 763–777, пункты 107–142.

²³ См. мнения № 63/2017, пункт 51; 10/2013, пункт 32; 16/2011, пункт 12; 15/2011, пункт 20; и 24/2010, пункт 28. См. также *Restatement (Third) of the Foreign Relations Law of the United States*, §702, замечание n) и §102, замечание k) (1987), в котором в качестве определенно императивных норм перечислены а) геноцид, b) рабство или работорговля, c) убийство или содействие исчезновению лиц, d) пытки или другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания, e) длительное произвольное задержание и f) систематическая расовая дискриминация.

²⁴ См. *Juridical Condition and Rights of Undocumented Migrants*, консультативное заключение ОС-18/03 от 17 сентября 2003 года, запрошенное Мексиканскими Соединенными Штатами, совпадающее мнение судьи А.А. Кансаду Триндаде, пункты 74–85. Имеется по адресу https://corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_18_ing.pdf.

сотрудников служб безопасности и тюремный персонал, выполняющий соответствующие обязанности, а также на всех других физических и юридических лиц²⁵. Ни одно лицо не вправе содействовать нарушению прав человека.

84. Рабочая группа передает дело Специальному докладчику по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, Специальному докладчику по вопросу о правах на свободу мирных собраний и ассоциации, Специальному докладчику по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, Специальному докладчику по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья и Специальному докладчику по вопросу о независимости судей и адвокатов.

85. Рабочая группа отмечает, что настоящее мнение является лишь очередным в серии мнений, в которых Рабочая группа установила нарушение правительством его международных обязательств в области прав человека²⁶. Рабочая группа обеспокоена тем, что это указывает на системный характер проблемы произвольных задержаний в Египте, которая, если она будет существовать и далее, может повлечь за собой серьезное нарушение международного права. Рабочая группа напоминает о том, что при определенных обстоятельствах широкое или систематическое применение практики тюремного заключения или других жестоких форм лишения свободы в нарушение норм международного права может представлять собой преступление против человечности²⁷.

Решение

86. В свете вышеизложенного Рабочая группа выносит следующее мнение:

лишение свободы Хишама Ахмеда Авада Джаафара носит произвольный характер, поскольку оно противоречит статьям 3, 5, 9, 10, 18, 19, 20 и 25 Всеобщей декларации прав человека и статьям 7, 9, 10, 14, 18, 19 и 22 Международного пакта о гражданских и политических правах и подпадает под категории I, II, III и V.

87. Рабочая группа просит правительство Египта безотлагательно принять необходимые меры для исправления положения г-на Джаафара и приведения его в соответствие с действующими в данной области международными нормами, включая нормы, изложенные во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте о гражданских и политических правах.

88. Рабочая группа считает, что с учетом всех обстоятельств данного дела надлежащей мерой защиты стало бы немедленное освобождение г-на Джаафара и предоставление ему обладающего искомой силой права на получение компенсации и возмещение ущерба в иной форме в соответствии с международным правом.

89. Рабочая группа настоятельно призывает правительство провести тщательное и независимое расследование обстоятельств произвольного лишения свободы г-на Джаафара и принять надлежащие меры в отношении лиц, виновных в нарушении его прав.

²⁵ См. мнения № 40/2018, пункт 49; 94/2017, пункт 73; 91/2017, пункт 102; 83/2017, пункт 90; 76/2017, пункт 85; 1/2016, пункт 43; 37/2014, пункт 42; 36/2014, пункт 21; 35/2014, пункт 19; 34/2014, пункт 34; 27/2014, пункт 32; 22/2014, пункт 25; 48/2013, пункт 14; 36/2013, пункты 34 и 36; 35/2013, пункты 35 и 37; 34/2013, пункты 33 и 35; 9/2013, пункт 40; 60/2012, пункты 20 и 21; 54/2012, пункт 38; 50/2012, пункт 27; 47/2012, пункты 19 и 22; 38/2012, пункт 33; 64/2011, пункт 25; 49/2011, пункт 12; 39/2011 пункт 17; 38/2011, пункт 16; 37/2011, пункт 15; 21/2011, пункт 39; 20/2011, пункт 25; 16/2011, пункт 5; 15/2011, пункт 5; 13/2011, пункт 12; и 5/2011, пункт 6.

²⁶ См. мнения № 27/2018, 26/2018, 83/2017, 78/2017, 30/2017, 60/2016, 54/2016, 42/2016, 41/2016, 7/2016 и 6/2016.

²⁷ См. пункт 1 е) статьи 7 Римского статута Международного уголовного суда. См. также мнения № 56/2017, пункт 72; 51/2017, пункт 57; 36/2017, пункт 110; 33/2017, пункт 102; 32/2017, пункт 40; и 44/2016, пункт 37.

90. В соответствии с пунктом 33 а) своих методов работы Рабочая группа передает настоящее дело Специальному докладчику по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение, Специальному докладчику по вопросу о правах на свободу мирных собраний и ассоциации, Специальному докладчику по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, Специальному докладчику по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья и Специальному докладчик по вопросу о независимости судей и адвокатов.

91. Рабочая группа просит правительство распространить настоящее мнение с использованием всех имеющихся средств и на возможно более широкой основе.

Процедура последующей деятельности

92. В соответствии с пунктом 20 своих методов работы Рабочая группа просит источник и правительство представить ей информацию о последующей деятельности по реализации рекомендаций, сформулированных в настоящем мнении, и в том числе указать:

- а) был ли г-н Джаафар освобожден, и если да, то когда именно;
- б) были ли предоставлены г-ну Джаафару компенсация или возмещение ущерба в иной форме;
- в) проводилось ли расследование в связи с нарушением прав г-на Джаафара, и если да, то каковы были результаты такого расследования;
- г) были ли в соответствии с настоящим мнением приняты какие-либо законодательные поправки или изменения в практике для приведения законодательства и практики Египта в соответствие с его международными обязательствами.
- д) были ли приняты какие-либо другие меры с целью осуществления настоящего мнения.

93. Правительству предлагается проинформировать Рабочую группу о любых трудностях, с которыми оно столкнулось при осуществлении рекомендаций, сформулированных в настоящем мнении, а также сообщить, нуждается ли оно в дополнительной технической помощи, например в виде посещения Рабочей группой.

94. Рабочая группа просит источник и правительство предоставить вышеуказанную информацию в течение шести месяцев с даты препровождения настоящего мнения. Вместе с тем Рабочая группа оставляет за собой право осуществлять свои собственные последующие действия, если до ее сведения будет доведена новая, вызывающая тревогу информация об этом деле. Такие действия позволят Рабочей группе информировать Совет по правам человека о прогрессе, достигнутом в осуществлении его рекомендаций, а также о любом непринятии мер.

95. Рабочая группа напоминает, что Совет по правам человека призвал все государства сотрудничать с Рабочей группой и просил их учитывать ее мнения и при необходимости принимать надлежащие меры для исправления положения произвольно лишенных свободы лиц и информировать Рабочую группу о принятых ими мерах²⁸.

[Принято 21 августа 2018 года]

²⁸ См. резолюцию 33/30 Совета по правам человека, пункты 3 и 7.